

УДК 821.512.151

Е. В. Королёва

Новосибирск, Россия

**ИНДИВИДУАЛЬНОЕ И ТРАДИЦИОННОЕ
В ПОЭЗИИ АЛТАЙЦА-ФРОНТОВИКА
ЯНГИ ТОДОША БЕДЮРОВА (1907–1961)**

Наследие Янги Тодоша Бедюрова находится на стыке народной тюрко-монгольской литературы и авторской советской поэзии XX века. Все стихи создавались непосредственно на фронтах Великой Отечественной войны, на алтайском языке и сохранились в полевых дневниках ветерана. Стихи содержат предельно натуралистичное описание реалий войны, созданное художественными средствами народной литературы. В творчестве поэта представлены такие традиционные жанры, как благословение – *алкыш*, проклятие – *каргыш*, славословие – *мактал*, воинские песни-плачи, наказ воину, присяга – *шерть*. В то же время есть песни-речитативы, стилистически близкие советской сценической поэзии, революционная патетика и другие следы эпохи.

Ключевые слова: алтайская народная литература, тюрко-монгольская воинская поэзия, шерть, советская поэзия в годы ВОВ.

Алтайский поэт-фронтовик Янга Тодош Бедюров родился в 1907 году в урочище Чет-Корумду в Уймонской степи, расположенной на территории современной Республики Алтай. С 1928 по 1946 год он служил в рядах Красной армии. На протяжении своей воинской карьеры он принимал участие в конфликте при КВЖД, сражался на сопках Маньчжурии, служил в пограничных и инженерно-саперных войсках, прошел Великую Отечественную войну от начала до конца и был комиссован после четырех ранений и трех контузий. По воспоминаниям Сергея Каташа, с 1920–1930-х годов Янга писал песни на родном языке и получил известность [1, с. 100–107]. На протяжении Великой Отечественной войны он вел фронтовые дневники, в которых записывал свои стихи, а также прозаические воззвания к землякам и однополчанам. В своем фронтовом архиве Янга сохранил копии писем к супруге и односельчанам, которые также содержали стихотворные включения. После смерти поэта в 1961 году в селе Кулада Онгудайского района, где он провел последние годы жизни, фронтовой архив чудом избежал уничтожения. Согласно алтайской традиции, все личные вещи покойного должны быть сожжены. В последний момент фронтовой чемодан открыли родственники и, об-

Королёва Елена Владимировна – переводчик с алтайского языка, научный сотрудник Методического центра «Сибирь» (ул. Русская, 41, Новосибирск, 630058, Россия, e.v.koroleva@inbox.ru)

ISSN 2410-7883. Сюжетология и сюжетография. 2016. № 1. С. 97–101.

© Е. В. Королёва, 2016

наружив рукописи, приняли решение сохранить их для потомков. Стихи Янги Бедюрова (поэтический псевдоним – Тодош) публиковались, начиная с 1970-х годов. В 1984 и 2005 годах были изданы авторские сборники на алтайском языке. В 2015 году вышел в свет сборник поэзии и прозы Янги Тодоша в переводе на русский язык, в этом издании представлена и подробная биография поэта [2, с. 4–19].

Поэтическое наследие Янги Тодоша Бедюрова находится на стыке народной тюрко-монгольской литературы и авторской поэзии XX века.

С одной стороны, в поэзии Янги Тодоша представлены практически все традиционные жанры, такие как благопожелание – *алкыш*, проклятие – *каргыш*, словословие – *мактал*, воинские песни-плачи – *шыркалада кошонг*, традиционные напутствия воину и ответные песни, содержащие формулу воинской присяги – *черт* (шерть). Большинство стихотворений написаны в форме парных строф и имеют классический для средневековой тюркоязычной литературы четырех- и пятистрочный семисложный размер. Зачастую присутствуют классическая для тюркской поэзии переднеслоговая рифма, параллелизм, традиционные метафоры. Упомынутые жанры народной литературы у родственных алтайцам с культурно-исторической точки зрения тувинского и калмыцкого народов подробно описаны в литературе [3; 4].

С другой стороны, лирические песни Янги носят глубоко личностный характер. Таковы песни-обращения к супруге, где поэт ведет речь от первого лица и описывает свою будущую встречу с любимой, опираясь на интимные воспоминания. Здесь автор местами отходит от классических парных строф, переходя к выразительному речитативу, стилистически близкому к сценическому монологу. Параллельно Янга использует традиционный эпический мотив одновременного рождения героя и героини для обозначения предопределенности этой встречи после окончания войны [1, с. 15–16].

Другим примером может служить «Разговор Волги и Дона» – стихотворение, сочетающее распространенный в советской поэзии сюжет беседы антропоморфных образов русских рек и традиционную форму религиозной поэзии-откровения. Автор описывает беседу духов-хозяев рек как свидетель-визионер и предлагает другим возможным свидетелям дополнить повествование (принцип открытого авторства) [1, с. 24–27].

Корпус воинской поэзии занимает в творчестве Янги Тодоша центральное место. Стихи поэта позволяют полностью реконструировать старинный обряд проводов на войну, включающий наказ сородичей (призыв служить верой и правдой), ответную клятву воина (формулу присяги – *черт*), благопожелания (молитвенное обращение к родной земле).

Формула воинской присяги – *черт* (шерть) относится к наиболее архаичным мотивам в творчестве Янги Тодоша и представлена в своей классической трехчленной форме, состоящей из: 1) клятвы на оружии; 2) перечня обязательств; 3) проклятия в адрес присягающего в случае нарушения клятвы. Подобные тексты присяги сибирских инородцев хранились в архивах начиная с XVI века [5]. Однако полная формула присяги разделена у Янги Тодоша между двумя поэмами «Ответная клятва воина-ойрота» и «Кавалерист». Если в первом случае мотив клятвы на оружии и произнесение обязательств бить врага до последней капли крови (1 и 2 части присяги) органически включены в текст ответной песни-клятвы воина, то во втором случае мотив самопроклятия (3 часть присяги) использован в лирической песне для признания в любви и преданности супруге [1, с. 4–5, 13–14]. Тем не менее это наиболее полная формула *шерти*, зафиксированная в литературном произведении на языке сибирских народов.

Неотъемлемой частью корпуса воинской поэзии являются песни-плачи, которые издревле звучали на полях сражений. С одной стороны, эти песни – часть погребального обряда, с другой – это классический путь примирения с мыслью о возможной собственной гибели и неотъемлемая часть психологической подготовки к битве в развитых воинских культурах. Так и в своих *шаркаладала кошонг* Янга Тодош скорбит о павших товарищах, оплакивает брата и одновременно предчувствует собственную смерть, в том числе и смерть без достойного погребения. В произведениях этого жанра у Янги Тодоша присутствуют реплики народной исторической песни о разорении Алтая [1, с. 19–20; 6, с. 145]. Воспоминания об Ойротской гражданской войне и Цинской интервенции легли в основу корпуса исторических преданий алтайского этноса. Позднее они были переосмыслены в контексте истории XX века и слились воедино с образами гражданской и Великой Отечественной войн, свидетельством чему являются творчество народного поэта Янги Тодоша, а также современные аудиозаписи исторических песен [7].

Так же, как и в бурханистских религиозных гимнах, впервые переведенных на русский язык в 2014 году [8, с. 33–41], в поэзии Янги Тодоша присутствуют геральдические символы Ойротского государства. Классической метафорой в песнях-плачах Янги Тодоша является превращение павших воинов в белые и синие цветы на склонах Алтая [1, с. 33]. В неизбежных помыслах о смерти героя представляет, как тело воина перед погребением одевают в белый и синий шелк (по сути, покрывают боевым знаменем) [1, с. 41]. Белый и синий – цвета Ойротского флага.

Ритуальное проклятие врагу – *каргыш* в творчестве Янги Тодоша представлено в классической форме заклинания-свидетельства, где герой обещает своими глазами увидеть гибель Гитлера и его державы [1, с. 49]. Аналогичную функцию в поэзии Янги Тодоша исполняют песни-пророчества, включающие мотивы из алтайских религиозных (бурханистских) песнопений. Так, неизбежная гибель фашизма передана автором через образ последней битвы между Бией и Катунью [1, с. 11–12]. Эта битва «Бий-Кадыннынг белтиринде калганчы чак» в исторических преданиях алтайцев предшествует возвращению Ойрот-Каана и наступлению мирных счастливых времен [6, с. 190].

Мактал – восхваление с намеренным преувеличением достоинств героя семантически близок к *алкышу* и содержит не только признание заслуг, но и завуалированное пожелание их преумножения. В традиционной форме этот жанр представлен в стихотворении, написанном от лица узбека Кадырова в адрес самого поэта [1, с. 51]. Торжественные славословия воинской доблести стали основным содержанием циклов Песен победы (Женгүлү амыргы), Песен героев, поэмы Красные ойротские воины (Кызыл ойрот черүчилер) [1, с. 51–52, 54–63].

Стихотворения Янги Тодоша рождались на фронтах Великой Отечественной войны в пылу сражений, в госпиталях, в коротких передышках между боями. В письмах-треугольниках они летели на родной Алтай, в ответ родные отправляли свои письма на алтайском языке. Янга Тодош тщательно сохранял и копировал в дневниках эту переписку. «Письмо на фронте – это золото, источник силы, это пополнение кровью после ранения», – писал поэт [2, с. 96]. Благодаря этой практике поэтическое наследие Янги Тодоша содержит женские песни: песни-плачи о павших воинах, песни супруги, сестры, тетушки. Мы не можем сейчас достоверно сказать, являются ли они авторскими переложениями прозаических посланий родных или это стихотворения женщин-родственниц поэта. Женские песни содержат много достоверных, щемящих душу подробностей о тяжелой, голодной жизни в тылу, фактически являются точным художественным описанием военного времени.

Поэма Янги Тодоша «Бичик» («Письмо») – это письмо родным с Курской дуги (1943), очевидно, прошедшее военно-полевую цензуру только благодаря тому, что было написано на алтайском языке. В ней поэт, используя традиционные метафоры, показывает масштаб сражения и огромные потери, которые понесли обе стороны. Стилистически эта поэма удивительно близка к русской антивоенной лирике 1970–1980-х годов и содержит прямые параллели с песней Сергея Никитина на стихи Геннадия Шпаликова «Рио-Рита» (1981). И это не единственный пример. Поэма «Атту-Черү» («Кавалерист», 1942) идентична по сюжету и близка по стилю к знаменитой песне «Комсомольская прощальная» (1937) на музыку Дмитрия и Даниила Покрассов и стихи Михаила Исаковского. Так же, как и в первом случае, речь не идет о заимствовании или переводе: эти поэмы значительно расходятся в деталях. Речь идет именно о стилистическом родстве, ярко иллюстрирующем принадлежность творческого наследия Янги Тодоша к культурному пласту поэзии советской России.

Достоверность художественного отображения событий и яркий алтайский национальный колорит (за счет опоры на художественные средства народной литературы) определяют индивидуальность творчества Янги Тодоша. Поэт буквально вписывает роковые события XX века в пространство алтайских исторических песен, преданий, в мир эпических героев и именно поэтому органически обретает в этом бушующем мире свое место и свою роль. Защищая советскую Россию в пламени пожаров Отечественной войны, он защищает свой Алтай, свои долины и ёзёки (алт. ёзёк – пойма реки; у поэта – место поселения, родина). Янга Тодош воспевает Родину, свою страну как родной Алтай, и именно поэтому его Алтай становится большим Алтаем, сомасштабным со страной и миром.

Для Янги Тодоша не могло быть никакого противоречия в известной идее сценариста и актера Амаду Мамадакова, который предлагал вывести на сцену алтайского эпического героя, одетым во фронтовую гимнастерку. «Джигиты-ойроты, львы, в чьей груди бьются сердца Алтай-Буучая, Алып-Манаша», – вот как поэт описывал своих фронтовых товарищей – *некеров* [2, с. 84].

Органическое сочетание образов воина-ойрота и бойца Красной армии происходит именно благодаря глубокому знанию истории и языка своего народа. Неслучайно язык поэта несет в себе множество ойротских по происхождению речевых оборотов, отсылая нас к относительно недавнему периоду тюрко-монгольского двуязычия на Алтае в XVIII веке.

Исторические параллели, длительный период дипломатического и военного сотрудничества сформировали базис общих культурных ценностей для русского и алтайского народов, опираясь на который поэт-фронтовик Янга Тодош создал произведения глубоко национальные по духу и в то же время стоящие в одном ряду с творчеством советских поэтов Константина Симонова, Александра Твардовского, Алексея Фатьянова, Мусы Джалиля.

Таким образом, наследие Янги Тодоша Бедюрова представляет интерес как с точки зрения истории литературы советского периода, так и в качестве уникального письменного источника традиционной воинской поэзии тюркских народов.

Список литературы

1. *Янга Бедюров*. Янга Тодош Январы / Ред.-сост. Б. Я. Бедюров, Э. Я. Бедюрова. Горно-Алтайск: Солоны, 2005. (на алт. яз.)
2. *Янга Тодош Бедюров*. Боевые песни Ойрота: из листов фронтовых дневников 1941–1945 гг. / Гл. ред. и сост. Б. Я. Бедюров, пер. Е. В. Королёвой. Новосибирск: Печатный Дом – НСК, 2015.

3. Басангова Т. Г. Обрядовая поэзия калмыков: система жанров, поэтика. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007.
4. Юша Ж. М. Обрядовая поэзия тувинцев: структура и семантика. Новосибирск: ООО «Апельсин», 2009.
5. Конева А. Ю. Шертоприводные записи и присяги сибирских «иноземцев» конца XVI – XVII в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2006. № 6. С. 172–177. URL: http://ostrog.ucoz.ru/publ/k/konev_a_ju/shertoprivodnye_zapisi_i_prisjagi_sibirskikh_inozemcev_konca_xvi_xviii_vv/133-1-0-197/ (дата обращения 01.07.2016).
6. Озогы Түүкилер. Алтайские легенды и предания ойротской и царской эпох. Горно-Алтайск: Алтан-Туу, 2011.
7. Койдушева Н. П. Жуу ойдинг жанары (Песня о войне). Трек 24 // Жүрүм берген, жүрүк жерим: Фольклорные песни коренных малочисленных народов Республики Алтай. Диск и нотное сопровождение / Под ред. Н. Ф. Паштакова, А. М. Кандараковой, Г. П. Кандараковой. Горно-Алтайск, 2007.
8. Алтайские исторические предания Ойротской эпохи: XVII–XIX вв. / Гл. ред. и сост. Б. Я. Бедуров, пер. Е. В. Королёвой. Новосибирск: Гео, 2014.

E. V. Koroleva

Novosibirsk, Russian Federation

**INDIVIDUAL AND TRADITIONAL IN THE POETRY OF ALTAI VETERAN
YANGA TODOSH BEDUROV (1907–1961)**

The legacy of Yanga Todosh Badurov is at the crossroads of national Turkic and Mongolian literature and the author's Soviet poetry of the twentieth century. All verses were created directly on the fronts of the World war II, written in Altai language and recorded in his field diaries. The verses contain very graphic description of the realities of war, created by means of traditional literature. In the works of the poet there are such traditional genres as a blessing – *alkysh*, curse – *kargysh*, the doxology – *maktal*, military song-mourning, oath – *chert*. At the same time there are songs-recitals stylistically similar to the Soviet stage of poetry, revolutionary poetica and other traces of age.

Keywords: Altai folk literature, Turkic & Mongolian military poetry, the military oath – *chert*, Soviet poetry in the years of the World war II.

Koroleva Elena V. – Translator of the Altai Language, Researcher of the Scientific-Methodical Center «Siberia» (41 Russkaya Str., Novosibirsk, 630058, Russian Federation, e.v.koroleva@inbox.ru)